

МОНОЛОГ С РАСУЛОМ РЗОЙ

I

Мы когда-нибудь встретимся с вами,
У меня есть вам что-то сказать.
А пока я, как вольное пламя,
Полечу, куда манят глаза.
Вижу синие волн караваны,
Как рассерженный, с пеной у рта,
Ждет верблюдов, предводитель упрямый,
Подгоняя ленивый состав.
А верблюды до самого малого,
Каждый шерстью покрыт голубой,
Вместе с грузом из белого мрамора
Носят грудь колесом пред собой.
Морю тесно все также меж братьев-
Берегов, что сестру стерегут,
Сердцем тянется в ваши объятия
Через грани, границы, табу.
Помнят моря соленые губы
Тот прощальный любви поцелуй.
И ревнует, отверженный грубо,
Гилавар, рассыпаясь в золу.
Побережье - из золота прииск,
Погруженья ступней глубоки.
Из следов ваших желтые слитки
Отливают руками пески.
Тут и там, словно в детстве игрушки,
Разбросало ракушки кругом.
Напевают мне в ухо ракушки:
"Бирюза - камень в перстне моем".
До свидания, море влюбленное,
Ты выносишь во чреве стихии.
Окрыленный, родной, вдохновленный,
Посвящает тебе он стихи.

II

Взор, как сеть рыболовную, тянет,
Предвещает чутье мне беду.
Крепость Эрк серокаменная,
Вдоль стены я на ощупь иду.
То ли видится, то ли мерещится,
Ночь, темно, хоть ты выколи глаз,
В полный рост, упираясь в Отечество,
Исполинов защитный каркас.
Герои Тебриза, воины,
Солдаты плечом к плечу,
Живее живых они, мертвые,
Смерть врагу-палачу.

III

"На снег посмотри", - молвил кто-то.
Светает и пятится мрак.
На горные края, высоты
Мой разум направил свой шаг.
Как пеший, в пути обезвоженный,
С губами, разбитыми в треск,
Видит Кирса вершины заснеженные,
Я гляжу на искрящийся блеск.
Карабах! Песня вечная мира,
Дар бесценный, мой тар, мой кеман!
Здесь звезда рождена Узеира,
Здесь творили Вагиф, Натаван.
Слова, голоса черпали силу
Хан, Джаббар и Сеид, и Бюльбюль.
Ты - поэт крылья Расула,
Его гимн, апогей и юдоль.
Я источник нишу Ханской дочери,
Чтоб к живительным каплям припасть.
Ой, Шуша, ой, не видели б очи,
Ой, Шуша, мне тебя не узнать.

Нигяр ХАЛИЛОВА

Поэтесса

Ты ли это, красавица в белом,
На коне карабахском верхом,
По Муганской равнине летела,
Только пыль за тобой кувырком?!
Ты одна - одинешенька в поле,
Где земля ничего не родит.
Изувечена, вырвана с корнем,
Память мертвых кладбищенских плит.
Не поют соловьи карабахские,
Веет жуткой могильной тоской.
Все цвета и природные краски
Превратились в цвет крови людской.
Прорицательница история,
Сколько раз горевала Шуша?
Вновь измерено, все в пробойнах,
Дно столетий за шагом шаг.
Испокон веков, так уж водится,
В наш цветник, наш родной Карабах
Гад армянский дашнакский повалился,
Хоть и попоран не раз его прах.
Воры, варвары, вороны
В мире каркают вновь клевету.
И своим же народом оплеван,
Саркисян ему роет беду.

IV

Мир молчит, словно, злом околдован,
Ослепленный и глухонемой.
Пусть падут же вандалам на голову
Все проклятья наводкой прямой!
Пусть неофашизм дашнакский
Божьей кары настигнет рука!
Пусть Шехиды, кому восемнадцать,
Молоко матерей на губах,
Пусть Шехиды, безмолвно глядящие
В безутешные лица мальцов,
По-сиротски ручонками глядящих
Фотографии в черном отцов,
Пусть Шехиды покоятся с миром.
Знамя к сердцу прижал Карабах.
Как молитвы, губами творимы, -
Азербайджан, Карабах!

V

Я Гейчай навешу теплым маем,
Чтобы с мыслями жить мне в ладу.
Расул Ибрагим оглы Рзаев -
В уме и душевном чаду:
"Когда воют ветра черные,
Скорбь Отчизны в тебе черная.
Войнам глотки когда перережут,
Семь баранов пожертвую черных".
На Олимпе Поэзии тесно,
Каждый избранный-вечности в дар.
Бог Поэзии, видно, любезно
Нам Расула-посланника дал.